

Театр имени Шевченко в Москве

Прошло ровно два года со дня освобождения Харькова от немецких оккупантов. И вот на улицах Москвы расклеены афиши спектаклей приехавшего из Харькова Украинского Драматического государственного театра имени Т. Г. Шевченко. Приезд шевченковцев воспринимается прежде всего, как одно из драгоценных свидетельств возрождения украинской культуры.

Украинские артисты выступают в Москве в здании филиала Художественного театра. Тяжелый серый занавес с чайкой раздвигается августовскими вечерами, чтобы перенести зрителей в старую украинскую деревню драмы Кропивницкого — «Дай сердцу волю — заведет в неволю», в колхозы степей Украины (комедия Корнейчука), в Запорожскую Сечь и Киев времен Богдана Хмельницкого, во французскую провинцию, описанную Бальзаком в его знаменитом романе «Евгения Гранде». На сцене, где звучал и будет звучать великий русский язык «Вишневого сада» и «На дне», сегодня льется великолепная украинская речь, зазвонят мелодии задушевных песен, стелется по земле и взлетает в воздух стремительный гопад.

В театре имени Шевченко главную художественную ценность составляет его сценическое искусство. Оно выросло на тучной и плодородной почве больших и глубоких народных традиций. Оно впитало в себя и лирическую отзывчивость, и суровую воинскую мужественность, и сочный юмор. Ряд крупных артистических индивидуальностей входит в состав харьковской труппы. И среди этих талантливых мастеров особенно ярко выделяются М. Крушельницкий и И. Марьяненко, с честью носящие почетное звание народных артистов СССР.

Крушельницкий — актер глубокой человечности. Это особенно ясно, когда он играет роли, в которых драматизм и комизм органически сочетаются. Таков его Иван Непокрытый в драме Кропивницкого. Крушельницкий — певец обыкновенных и даже обиденных людей. Играет ли он дьяка Гаврилу в «Богдане Хмельницком», или председателя колхоза «Тихая жизнь» Кондрата Галушку, он всегда ищет типичности, а не исключительности. У него удивительное чувство характерной детали. Как актер он скуп и лаконичен. В каждом человеке он ищет присущий ему ритм. Он хорошо знает, что медлительность или стремительность — это не отметки секундомера, но свойства человеческого характера. И в том, как человек молчит или говорит, как он стоит или ходит, для внимательного глаза — ключи к душе человека. Он не просто мастер сценической игры, но портретист острой наблюдательности и гибкого и богатого мастерства.

Марьяненко играет уже полвека. Его пятидесятилетний творческий юбилей только что отмечен высокой наградой — орденом Ленина. В противоположность Крушельницкому это актер исключительных натур и резко очерченных характеров. Его мощный темперамент широк и романтичен. Вот он играет Богдана Хмельницкого, и перед ним не просто проникательный и мудрый государственный деятель, но человек определенного века, определенного уклада жизни. Игра Марьяненко — это художественная биография, пластически чеканный рассказ о «муже войны и совета», о кормильце, ведущем уверенной рукой корабль своего народа. В инсценировке Бальзака Марьяненко играет роль классического

скупца Феликса Гранде, богача из Сэмюра. И снова перед нами фигура, написанная размашистым и крупным мазком. Кажется, что для этого стяжателя самое солнце меркнет перед блеском золотых слитков и нет слаще музыки, чем звон монет.

Народные артисты республики А. Сердюк, В. Чистякова и Д. Антонович — большие, зрелые мастера. Три роли, сыгранные Сердюком, показывают обширность его дарования. Вот он играет Микиту Гальчука в драме Кропивницкого, и перед нами жестокий и грубый человек с тяжелым взглядом, каменными движениями, мрачной душой. И рядом — сподвижник Хмельницкого «украинский рыцарь» Богун. Иная поступь, иной склад. Все пружинисто, легко, все сверкает, как клинок сабли. И еще: Саливон Чеснок — председатель колхоза «Смерть капитализму». И опять — новая краска и новый ритм. Это — человек прямой дороги, ясных убеждений. И оттого так тверды его движения, так убедительны рассуждения, так сильно чувство нового в жизни.

Д. Антонович создал грозный облик Максима Кривоноса. Кажется, что из одного куска твердого, как металл, мореного дуба вырезал артист эту суровую фигуру запорожского военачальника семнадцатого века. В. Чистякова сыграла, к сожалению, всего лишь одну роль — Евгению Гранде. Это — актриса настоящего лирико-драматического дарования. В ней есть и тот скрытый огонь, который медленно, но сильно разгорается, и та напряженность чувств, которая так необходима для последнего акта пьесы.

Очень много интересного и ценного мы находим в образах, созданных другими артистами. С какой острой характерностью играет Н. Лыхо и служанку Нанетту, и Галашку Чеснок. Смелый шарж дает заслуженный артист В. Дуклер в роли спекулянта Долгоносика. Как вкрадлив и сложен у заслуженного артиста Ф. Радчука образ войскового писаря Лизогуба — этого «Яго» при Хмельницком. Смешны в различных эпизодах Е. Бондаренко и М. Покоитило. Колоритны в ролях украинских женщин и девушек О. Валуева (Одарка), засл. арт. С. Федорцева (Соломия), Н. Герасимова (Катерина), Л. Криницкая (Параска), Г. Ольшевская (Варвара), П. Куманченко (Гая). Запоминаются шляхтянка Зося — засл. арт. Е. Петрова и другие.

В смысле режиссерском и декоративном лучше всего удалась театру постановка «Богдана Хмельницкого» (режиссер М. Крушельницкий, художник В. Меллер). Известная торжественность и приподнятость тона уместны в спектакле, носящем характер героического представления. В драме Кропивницкого «Дай сердцу волю — заведет в неволю» этнографический материал порой отодвигает на задний план самую драму, а краснота пейзажей не передает поэтической красоты украинской природы. Но сцена, когда Гальчук срывает мониста с шеи Одарки, относится к числу несомненных режиссерских удач.

Театр имени Шевченко — театр больших чувств, и хочется пожелать, чтобы в зеркале его искусства отразились и образы, созданные русской классической драматургией, чтобы показ украинской жизни не ограничивался только деревенским и колхозным бытом или историческими событиями прошлого, но в новых пьесах прошли бы славные годы борьбы советских людей против немецкого нашествия и были освещены те вопросы, которые составляют содержание современной жизни.

Н. ВОЛКОВ.